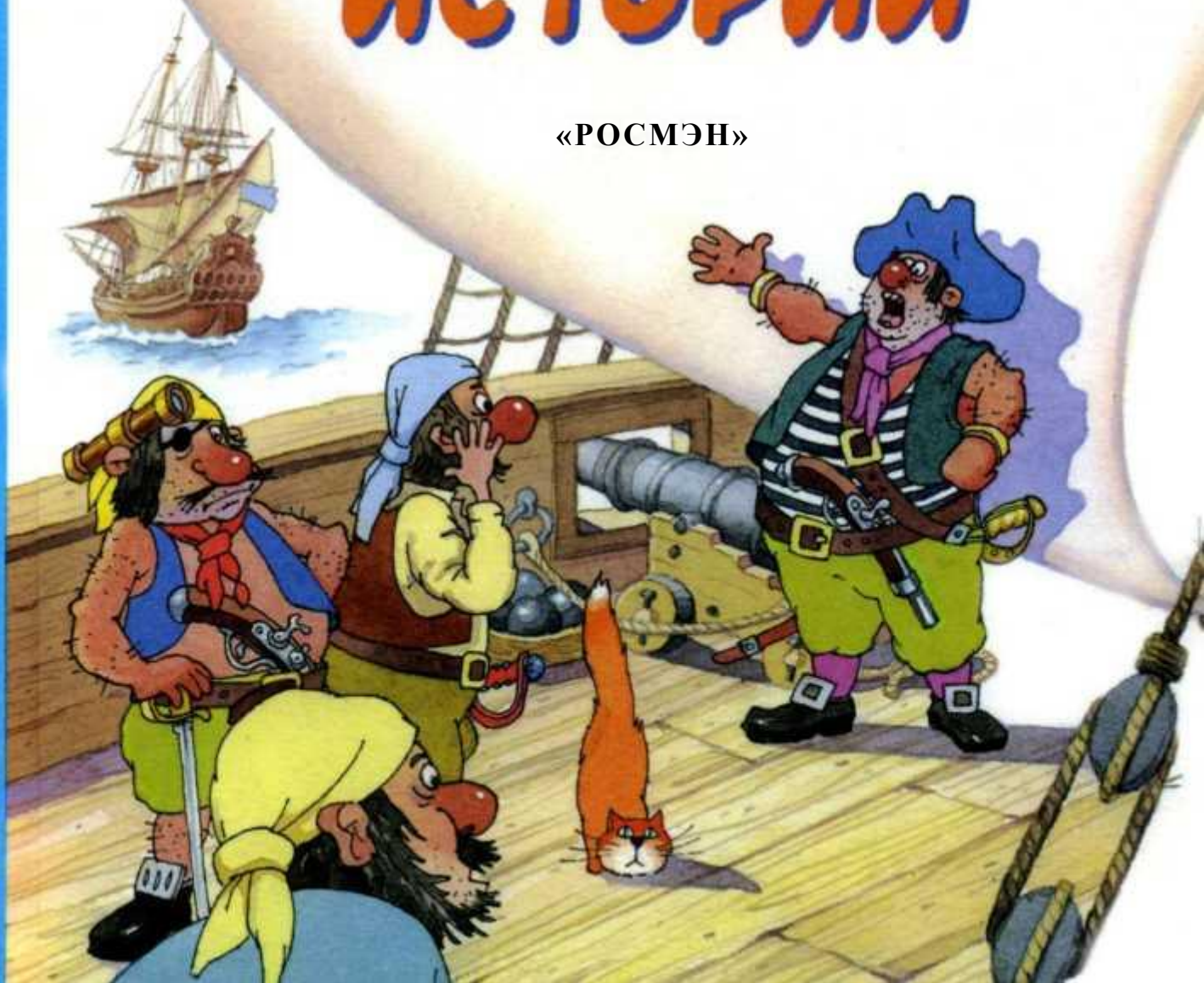

М. Пляцковский

РАЗНЫЕ ПИРАТСКИЕ ИСТОРИИ

«РОСМЭН»

rutracker.org

© Кооп.м 2011 Того.м

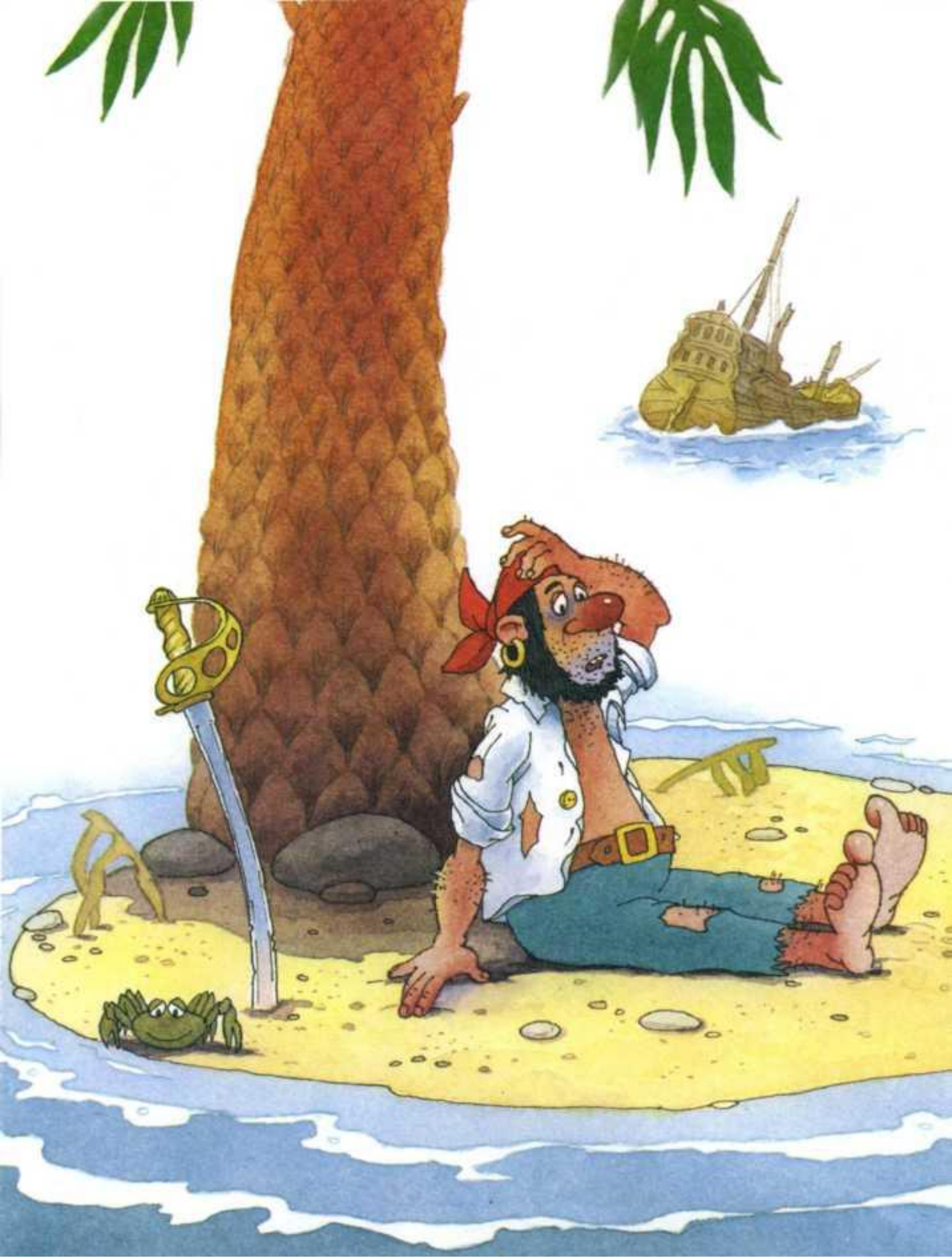
М. Пляцковский

РАЗНЫЕ ПИРАТСКИЕ ИСТОРИИ

Художник А. Резников

Москва «РОСМЭН» 1997

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Один пират случайно спасся со своего тонущего корабля. Плыл-плыл на обломке мачты по океану и приплыл на необитаемый остров.

Когда он очухался, то подумал: «Кого бы ограбить?» Но кроме одинокой пальмы грабить было некого. Тогда он решил, придётся всё же ограбить пальму, чтобы не терять квалификацию. И стал карабкаться по длинному мохнатому стволу за кокосовыми орехами. Но до орехов не долез, сорвался вниз и набил на лбу большую шишку. Потёр он кулаком шишку и поклялся: «Больше никого на этом острове грабить не буду!»

Но клятву свою всё-таки нарушил, когда очень проголодался. Что с него возьмёшь? Пират — есть пират!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Один пират служил боцманом на корабле. И лихие матросы его очень уважали за то, что один свой глаз он потерял в бою, а другой сохранил целым и невредимым.

В день рождения боцмана команда решила купить подарок. — Давайте бинокль!

Но сообщив подумав, команда сообразила, что бинокль ему ни к чему, и подарила большую подзорную трубу. Глядя в которую, всё равно один глаз закрывать надо.

Подарок боцману очень понравился. И он всегда носил свою подзорную трубу за правым ухом.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Один пират закопал в пещере здоровенный кованный сундук с золотыми пиастрами. Он нарисовал на бумажке горелой головешкой план места, где спрятаны сокровища, и унёс её на корабль. Но названия того острова, чёрт возьми, не указал для памяти, из-за своей пиратской неграмотности. А через некоторое время — и совсем забыл из-за своей пиратской рассеянности. Вот что бывает, если грамоте не обучен. Так и пропал сундучок с пиастрами. Лежит себе где-то в пещере на каком-то острове, но кто ж его знает, на каком. И до сих пор его найти не могут...

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

Один пират упал за борт в море. И тут его заметила акула. Подплыла и грозит: «Отдавай тельняшку, или я тебя немедленно проглочу!» А сама — страшная. И каждый зуб у неё — не хуже пиратского ножа. Даже, может, и острее.

Только пират не робкого десятка оказался. Он ей фигу показал: «Не отдам! Своя тельняшка ближе к телу!» Пожадничал, значит.

Ну, акула с ним чикаться не стала и решила проглотить вместе с тельняшкой. Но, когда она его глотала, пират зацепился за акулий острый зуб и ни туда ни сюда. Акула мучилась-мучилась и выплюнула его, подумав: «Зачем мне дырявая тельняшка?..»

Но это — насколько известно — был первый и последний случай, когда жадность выручила. Так что учиться у этого пирата нечему.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ

Один пират очень любил поесть. И сам не заметил, как стал толстяком. За что его на судне прозвали — Пуздро. Для него и сапог-то снять не простым делом было, а не то чтобы там из пистолета целиться или, чего доброго, на abordаж с криком бросаться. И довела его вкусная пища до того, что напрочь он свой грозный вид утратил. Кто ни глянет на пузатика — все смеются. Он пугает, допустим, а никому не страшно.

Не выдержал пират Пуздро такого неуважения к своей профессии, плюнул на всё — и пошёл на пенсию.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ

Один пират решил жениться. И такая ему пиратка в жёны попалась, что заставляла его стирать, штопать, палубу драить и рыбу жарить.

Вздумал он было сопротивление оказать, а она его в угол каюты загнала, на пистолете курок взвела и страшает: «Выби-рай одно из двух: или ты будешь у меня по струнке ходить, или я тебя, борода нечёсанная, в бараний рог скручу!»

Вот пират свои косматые ручищи и поднял вверх:

— Сдаюсь, моя «беспомощная», беспрекословно, из двух — первое выбираю.

Так он под каблуком у неё и остался до конца своих дней. Взяла его любовь на абордаж! А какой пират был! Ого-го! А может, даже — ого-го-го! О-го-го-го!

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

Один пират захотел в школе заниматься. Учительница и спрашивает на уроке этого пирата: «Сколько будет пятью пять?» Он даже соображать не стал, сразу ответил: «Девяносто!» Услыхала учительница такое и в обморок — бац!

Тогда другую прислали. Та, значит, тоже пирату вопросик подкинула не простой: «Сколько месяцев в году?»

Пират и бровью не повёл. И чётко так отчеканил: «Много!» Новая учительница тоже со стула — бабах!

Больше директор не захотел рисковать и своими учительницами разбрасываться. Показал пирату на дверь и крикнул: «Вон!»

С давней той поры все пираты любую школу за сто миль чуют и подальше от неё уплывают. Очень им надо, чтобы их оттуда выгоняли!

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ

Один пират за драку в тюрьме очутился. Сидит за решёткой и песенку поёт про красавицу Мэри. День поёт, пять поёт, на десятый — надоело. И до того грустно ему стало, что начал он зубами железные прутья грызть. Грызёт и размышляет: «Зачем я дрался? Вот сижу я здесь, в казённом доме, а мог бы на вилле своей цветочки разводить!»

Откуда ни возьмись, мышка выскочила — и уставилась на пирата. А он по полу ножищей как грохнет, как рывкнет во всю глотку: «Кышшшш!» Мышка вдруг и говорит ему: «Дурак! Я тайный ход знаю! Но теперь, раз ты такой злюка, не покажу!» Пискнула и убежала. Схватился пират за голову и зубами заскрежетал от злости на себя. И понял, что понапрасну нечего даже мышек обижать.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ

Один пират взял в плен короля.

Король его умоляет: «Отпусти — озолочу!» — «Очень нужно мне твоё золото, когда у меня своего — навалом!» — отчитал он короля, как мальчишку. Отчитал, значит, а сам задумался: «А что ежели я переоденусь в камзол королевский да на голову его же корону надену? Приду во дворец, а меня там все за короля примут, кланяться будут и с блюдечка кормить!»

Стянул он с короля одежду и на себя, прямо в чём был, и напялил. Пленника связал и в трюм, где бочки с порохом, посадил, а сам во дворец отправился.

Постучал в ворота. Стражники знакомую корону увидели и ахнули:

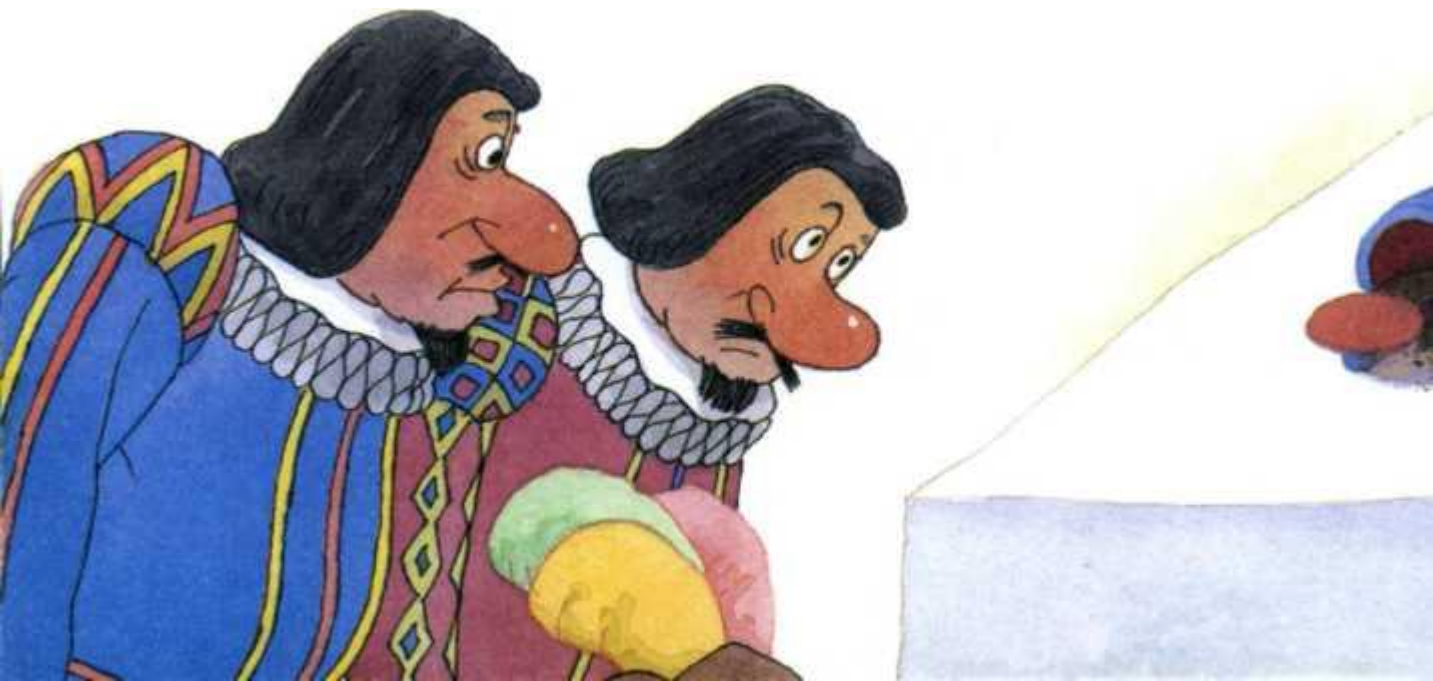
— Проходите, ваше королевское величество!

Со всех сторон слуги набежали, под руки подхватили, в покои привели и спрашивают:

— Не хотите ли чего, ваше королевское величество?

— Пожрать бы не мешало! — по привычке гаркнул пират. — Да поживее, селёдки вы разэдакие.

Удивились слуги: сроду они от своего короля ни одного грубого слова не слыхивали. А тут — нате! Но виду не подали. Глядь — уже везут на тележках еду всякую, жареную и пареную, сладкую и солёную, в общем, такую, что пальчики оближешь. Ложки и кубки подают серебряные, а тарелочки — фаянсовые:

ешь, пей, сколько влезет! Разморило пирата от обеда, в сон потянуло. Стал он носом клевать. А придворные тут как тут:

— Не желаете ли в опочивальню?

— Желаю, дьявол вас подери! — прикрикнул самозванец.

Сняли с него придворные корону, камзол стаскивают. Видят: под ним тельняшка замусоленная, сто лет не стиранная.

— Право, какое-то недоразумение получается, — засомневались они. — Сроду у его королевского величества тельняшек не водилось, да и в ушах серьги не болтались. И личность вроде бы совсем не благородная...

Позвали королеву для опознания: уж она-то наверняка разберётся. Взглянула она на пиратскую мордуленцию, губки надула и запищала как резаная:

— Кого вы мне показываете, когда и борода — не королевская и усы чужие!

Прибежали стражники, схватили пирата — и взашей из дворца вытолкали. Да и то верно. Неужели короля с пиратом спутаешь?

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ

Один пират никогда не видел снов. Всем что-то снилось, а ему — никогда. Все рассказывали друг другу свои сны, а он молчал, потому что рассказывать было нечего.

Очень стыдился пират, что не такой, как прочие, что ни длинного интересного сннца, ни даже самого обыкновенного маленького сончика увидеть не может. По ночам подушку свою кусал от злости — да так, что только перья из неё летели. Но и это не помогло. Не шли сны, хоть тресни!

Вся их разбойничья шайка над ним посмеивалась:

— Эх ты, бессонистый!

Надоело пирату такое дело. И однажды он вот что придумал. Вышел утречком на палубу, когда морские волки, дружки его, значит, снами своими, словно картишками, перекидывались, и, сладко эдак потягиваясь, говорит как бы невзначай:

— Ох, и сон мне ночью приснился — закачаешься!

У всех физиономии вытянулись и, словно подсолнухи, в его сторону повернулись:

— Ну-у-у?

— Вот вам и ну! Иду я, стало быть, по городу Багдаду. Народу полно, все толкаются, орут. Вдруг меня кто-то за руку — дёрг! Гляжу: карлик. Он мне и предлагает: «Заплати сто пиастров, а я тебе волшебное колечко продам». «А что я с твоим колечком делать буду?» — спрашиваю. На что карлик мне отвечает: «Наденешь на мизинец — и станешь таким красивым пиратом, каких сроду не было». Отсчитал я ему сто золотых, а он мне колечко отдал... Ну вот...

— А дальше что? — пооткрывали рты выдавшие виды морские волки. И ногти на пальцах грызут — до того их любопытство разобрало.

Пират лысину почесал и ухмыльнулся:

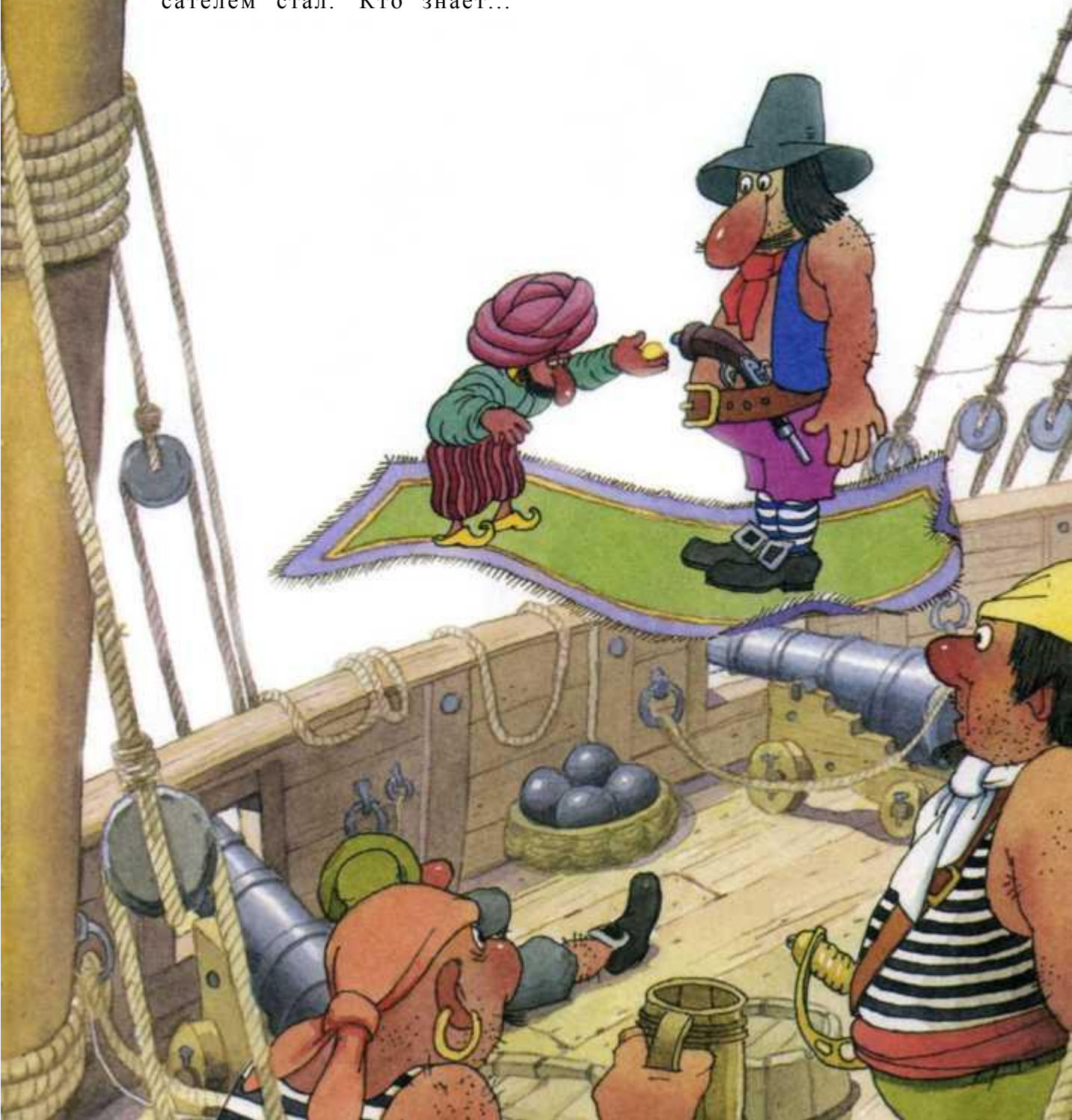
— Дальше было то, что я проснулся!

— Надо же! На самом интересном месте! — упрекнул боцман.

Пирату, конечно, ничего, как всегда, не приснилось. Просто он свой сон сочинил. И делал это не раз потом с таким же

успехом. По утрам вся команда в свободное от разбоя время собиралась на палубе и, затаив дыхание, ждала хитрого выдумщика, чтобы послушать его очередной увлекательный сон, который вечно обрывался на самом интересном месте.

Жаль, что тот пират буквы не знал, а то бы, может, писателем стал. Кто знает...

ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Один пират умел гладью вышивать. Первым делом он, конечно, пистолеты порохом заряжал, вторым делом — стрелял и по ночам, как кошка, прыгал, третьим делом — раны зализывал, а уже четвёртым делом — вышивкой занимался.

Всем, кто ни попросит, этот здоровенный малый якоря вышивал на тельняшках, на шароварах, а чаще — на платочках, которые пираты на голове на свой манер носят и морскими узлами завязывают, чтобы ветром не сдуло.

Вышивать-то вышивал, но ни с кого за работу не брал ни пиастрика, ни дублончика, ни гинеечки.

Однажды в команду новичка взяли, который никогда не видел, чтобы пират гладью вышивал. Загоготал новичок и сказал:

— Вот чудак! Не мужское это дело — вышивка. Даже смотреть противно!

— Противно? Ну ладно! — обиделся корабельный вышивальщик и швырнул за борт все иголки и нитки.

Но когда тельняшки, шаровары и платочки с вышитыми якорями износились, стали пираты своего умельца-вышивальщика упрашивать и уговаривать, чтобы он снова занялся своим четвёртым делом. Даже сами нитки и новенькие иголки купили. А он — ни в какую. Очень разобиделся.

И пришлось пиратам самим теми иголками якоря на груди и на руках накалывать. Кое-кто и на ногах умудрился — для оригинальности.

С той поры и пошла дурацкая эта мода — наколки делать. А всё из-за новичка того неразумного, который не понимал ничегошеньки в красоте!

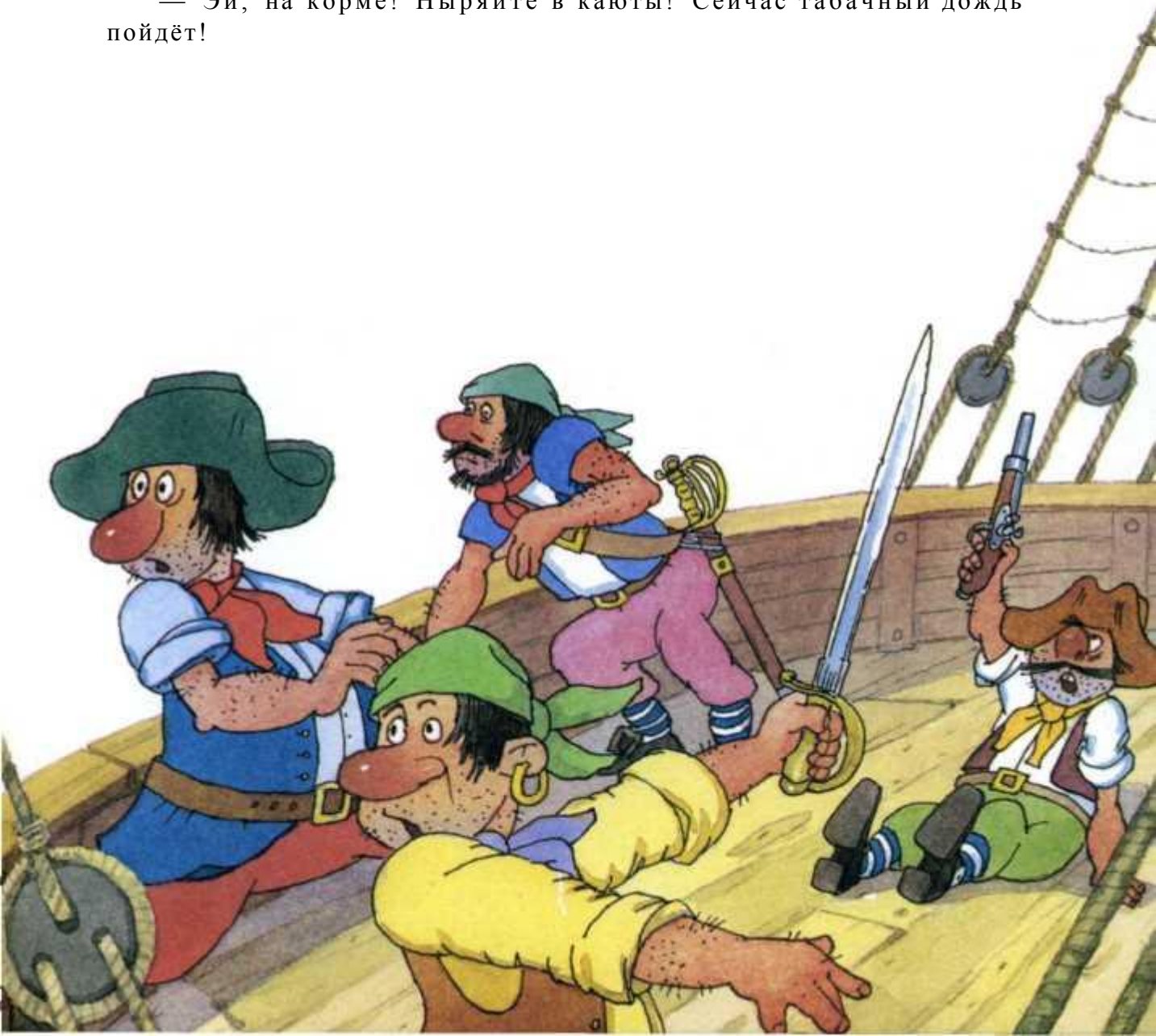
ИСТОРИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Один пират курил трубку. Набьёт её крепким голландским табаком и давай колечки дыма в небо пускать. Целый день изо рта трубку не вынимал, только и дел, что попыхивал.

Колечки друг за дружкой вверх уплывали — и облаками становились. Не простыми облаками, а табачными. И плыли они вслед за кораблём, как белые бумажные змеи на ниточках.

А пират знай себе дымом затягивается, глазки замуривает, трубочку посасывает. Вот и получилось так, что облака в чёрные тучи превращались. В чёрные табачные тучи. И тогда сам пират кричал во всю свою пиратскую глотку:

— Эй, на корме! Ныряйте в каюты! Сейчас табачный дождь пойдёт!

ИСТОРИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

Один пират хвастался, что умеет говорить по-китайски. Говорить-то он, может, и говорил, но никто на корабле по-китайски всё равно не понимал и не мог проверить: так это или нет. Поэтому пирату и не верили, думали: трепется он. А пират был гордым и сильно переживал.

И надо же было такому чуду случиться: в одном порту к ним на судно китайский купец пожаловал. Старенький, правда, в очках. Не разглядел, сослепу, видать, что на мачте чёрный флаг с черепом и костями.

А пират жутко обрадовался гостю. Ну, думает, докажу команде, что я не трепач такой-сякой распоследний. И при всех обращается к нему запросто: «Минь-цынь-фань, цупь-фипь-мань». Или что-то в этом роде. А китаец глядит на него как баран на новые ворота и головой мотает: мол, моя не понимай...

Матросы над пиратом хохочут:

— Ну и здоров ты врать! Вон китаец — и тот ни черта не разобрал!

А купец тем временем кланяется, кланяется, глаза щурит, а сам пятится к трапу от греха подальше.

Догнал его боцман на причале и на чистом английском языке спрашивает:

— А что, разве головотяп наш с тобой не по-вашему, не по-китайски запузыривал?

— Спроси что-нибудь полегче, — отвечает ему купец на чистом английском. — Я китайского не знаю, я в Лондоне родился...

Боцман так за живот и схватился, прямо затрясся от смеха:

— Не повезло нашему бедолаге. Не того туза из колоды вытащил! Вот тебе и цунь-фынь-мань!

ИСТОРИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Один пират здорово кошек рисовал. Пытался он и ещё кое-кого изобразить, всяких там кусательных, бородательных, клевательных, всяких там пугательных, хватательных, рычательных, но они у него сами на себя похожими не были. А вот кошки, эти получались на все сто. Как живые. Того и гляди фыркнут и оцарапают!

А тут в корабельном трюме крысы завелись — прямо скажем, малосимпатичные и нахальные до невозможности. И до того они обнахальничали, что даже по каютам скреблись и по палубе туда-сюда шастали. И не было на них никакой управы.

Вызывает тогда к себе этого пирата, который кошек рисовал, капитан, или кто он у них там за главного был, в общем, Бульбуль — мрачная личность со скверным характером. Вызывает, первым делом свой здоровенный кулачище суёт под нос и спрашивает:

— Это видел?

— Видел! — не моргнув глазом, отвечает пират. — У меня самого — не хуже. Я...

— Заткнись! — оборвал Бульбуль. — Закрой пасть и слушай, когда начальство говорит. Так вот... Даю тебе сутки сроку, чтобы ты по всему кораблю триста кошек нарисовал, а то от этих

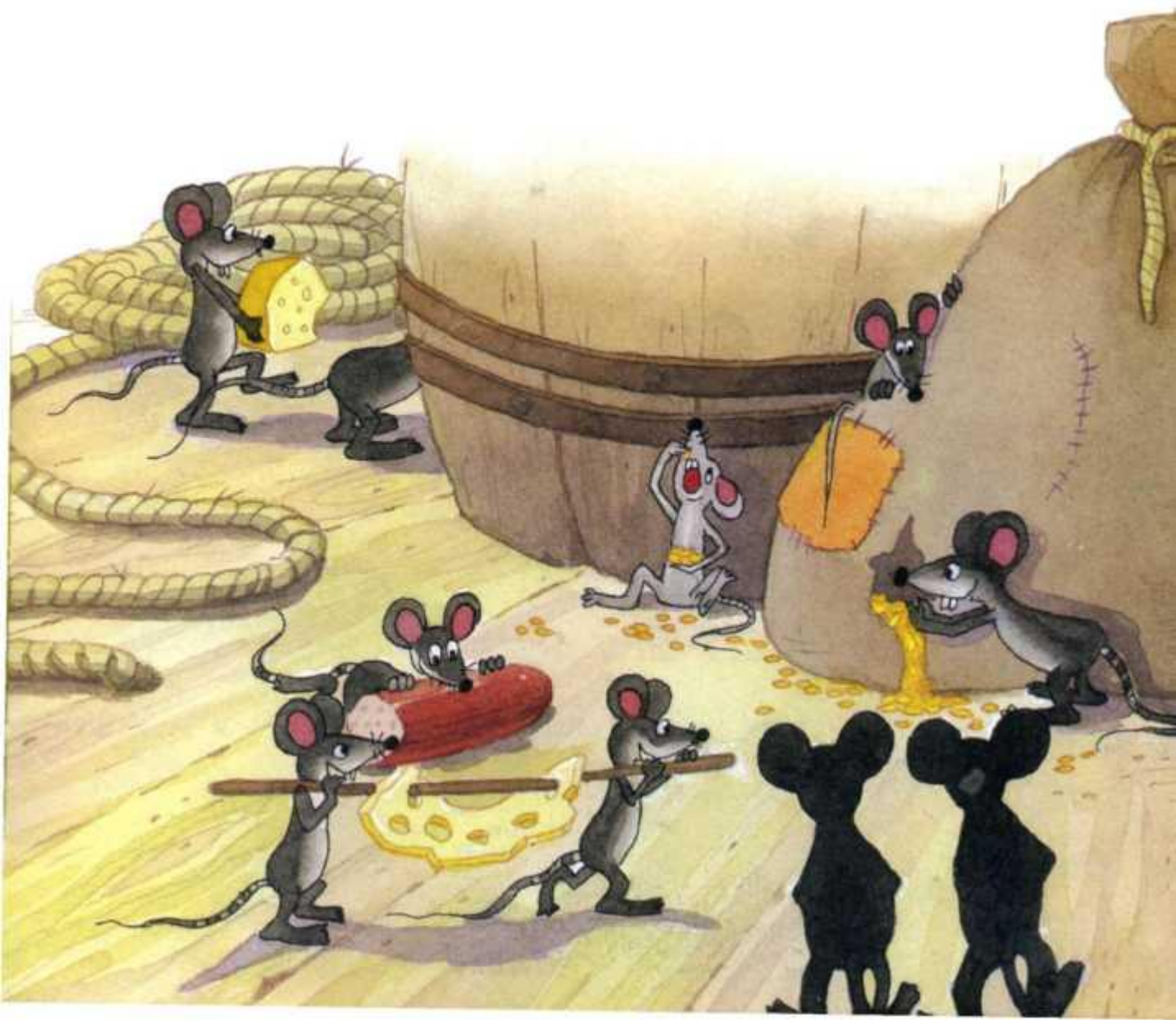

крыс, понимаешь, житья не стало. Но гляди, чтобы пострашней! Задание понял?

— Разве я на дурака похож? — возмутился пират.

— А кто тебя знает! — стукнул кулаком по столу капитан, или как его там, короче, Бульбуль. — Это еще доказать надо. Действуй!

Пирата как штормом смыло. Схватил кисти да краску — и ну кошек малевать: чёрных, белых, рыжих и совсем непонятной масти. Всю ночь и целый день старался, а к вечеру — триста кошек нарисовал в разных позах, притом так, что от настоящих лишь тем и отличались, что не мяукали.

Увидели их крысы, задрожали и по тёмным углам забились, никуда и носа не показывали. А в первом же порту с корабля сбежали — только их и видели.

— Пожалуй, ты и вправду — не дурак! — похвалил пирата капитан Бульбуль.

— А ты зря сомневался, кэп! — подмигнул пират. — Своё дело знаем!

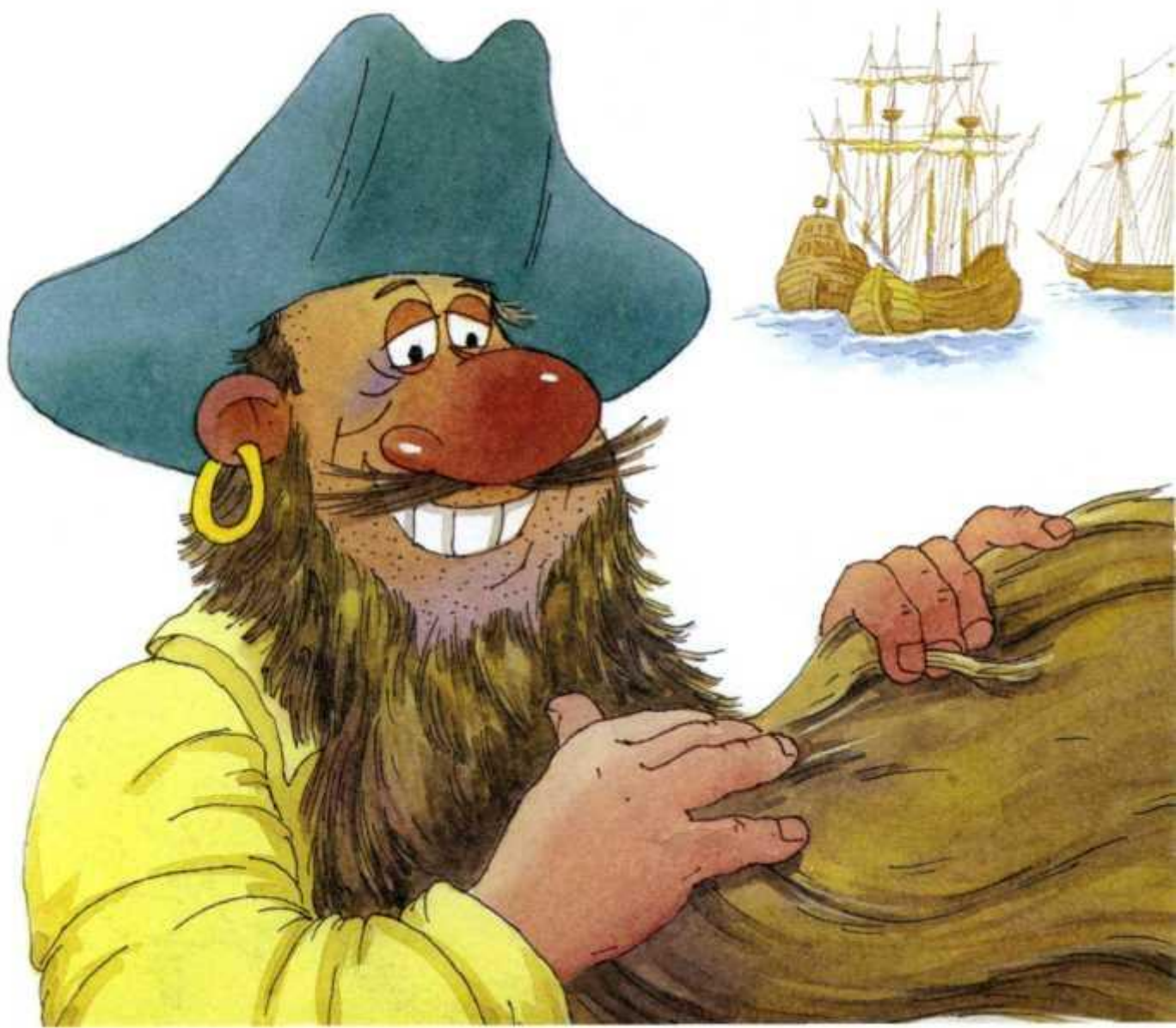

ИСТОРИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

Один пират никогда не брился. И выросла у него такая длинная борода, что расчёсывала её на палубе вся команда. А потом скатывала её в трубочку, стягивала крепким кожаным ремнём с большой медной пряжкой. Так пират свою бороду на привязи и носил.

Толку от неё никакого не было. Одна морока. Попробуй-ка этакую бородищу помыть и высушить. Легче сто простыней постирать и погладить.

Может быть, пиратская борода так ни на что и не сгодилась бы — да случай представился. На далёком острове Макаляко

проводился чемпионат мира на лучшего бородача. И решило пиратское собрание:

— Пусть наш участвует! А вдруг прославимся?

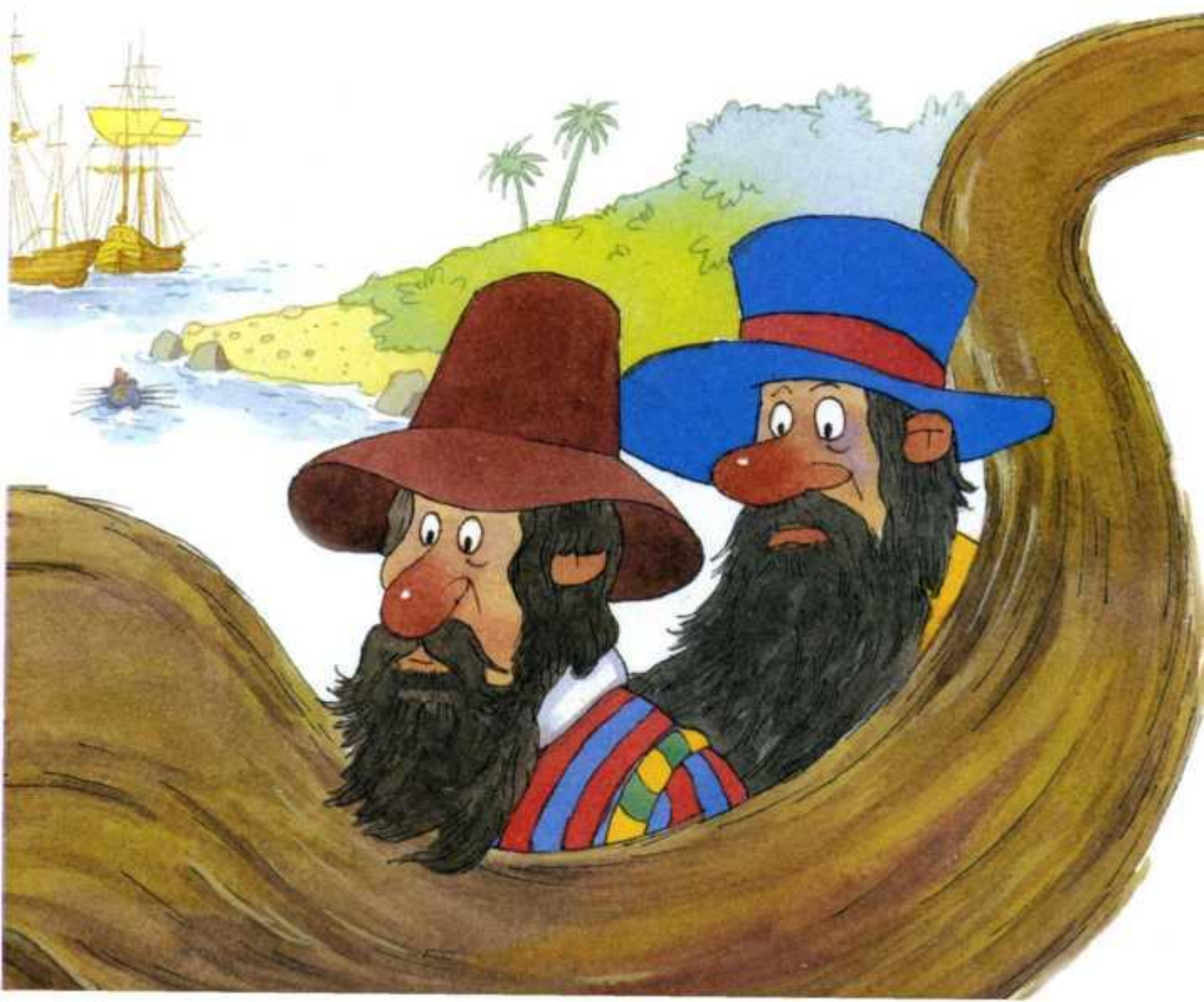
Сказано — сделано. Приплыли на этот остров Макаляко, который чёрт знает куда в какую даль занесло, и говорят:

— Ни пуха тебе ни пера! Не осрами команду!

А на острове бородачей — пруд пруди. Ходят со своими бородами, как вениками улицы подметают. Ни соринки!

Пират, понятное дело, волновался, как море перед штормом. Только напрасно волновался, потому что рядом с его бородищей все прочие — бородёнками казались.

Вот и стал он чемпионом мира по бороде. А благодаря ему и вся его пиратская команда на весь мир прогремела.

ИСТОРИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Один пират вечно хмурым ходил и мрачным. Ну просто — туча тучей. Даже смотреть противно, потому что кто ни посмотрит — сразу и сам хмурился и мрачнел. Всем не по себе, а пирату — хоть бы хны!

Шуток он не понимал. Вся команда, бывает, смеется, а его физиономия каменная. Ничто его не брало.

— А давайте мы эту дубину стоеросовую пощекочем, — предложил боцман Тумба. — Может, подействует?

Окружила матросня пирата и давай щекотать. Щекочут, щекочут, а он — ноль внимания. Потом ему надоело, он и признался:

— Чего это вы? Я щекотки не боюсь.

Тогда капитан Бульбуль командует:

— Зеркало сюда тащите!

Приволокли зеркало, как велено. Бульбуль и говорит пирату:

— Ты только глянь на себя. Что у тебя за... личико? Тьфу! Оно просто просит кирпичика! И даже не просит, а требует!

— Тьфу! — согласился пират, увидев себя в зеркале. — Ну и рожа!

— А теперь повторяй: сыр, сыр, сыр, сыр!

— Это можно, — согласился пират. — Сыр я люблю. Чего же не повторять? Сыр, сыр, сыр, сыр...

И когда он произносил это слово, то губы его сами растягивались в улыбку, приоткрывая крепкие белые зубы.

Пират смотрел в зеркало и любовался зубами. И вообще он понял, что улыбка ему очень идёт, обрадовался, как ребёнок, и первый раз в жизни засмеялся.

Команда вместе с капитаном и удивлённым боцманом тоже засмеялась. И всем показалось, что смеются даже чайки, которые кружились над кораблём.

Мрачным и хмурым того пирата больше никто никогда не видел, потому что в любую, самую унылую погоду он тихонько шептал самому себе: «Сыр, сыр, сыр, сыр, сыр, сыр...»

ИСТОРИЯ СЕМНАДЦАТАЯ

Один пират мог запросто выжать руками две бочки, набитые свинцовой дробью. А мог пушку подбросить и поймать на лету. Да что там — он кулаком гвоздь в доску вбивал, а медную монету пальцами сгибал и разгибал. Во силища у него была!

А ещё такое выделявал, что и не поверишь, если своими глазами не увидишь. К примеру, ничего ему не стоило без всякой помощи корабль с места сдвинуть, когда он на мель садился. Тяжёлый железный якорь пирату легче пёрышка казался. Он его, играючи, вместе с двадцатипудовой цепью из воды на корму вытаскивал. Другого такого крепкого детину ещё по-искать надо!

Попал этот пират однажды на цирковое представление, где один заморский силач разные трюки выделял: то подкову разогнёт, то бревно об колено разломает.

Не выдержал пират такого надувательства и крикнул на весь цирк:

— Безобразие! Так любой сможет!

— Любой? — возмутился циркач. — А ну иди попробуй!

Вышел пират на арену и показал настоящую силушку. Зрители только ахнули, когда он и этого силача, и все его гири, и лошадь с наездницей, и клоуна с барабаном, и дрессировщицу с пятью кудрявыми пуделями на руках, словно пушинку, поднял — и улыбнулся. Подержал немного в воздухе, а после опустил и сказал:

— Я бы ещё выступил, но мне в море пора... На работу...

— Оставайся! — закричала публика. — Ты всем силачам силач!

Потом выбежали на арену дети с цветочками и стали со слезами упрашивать:

— Не уплывай, дядя! Мы каждый день будем в цирк ходить, чтобы на тебя посмотреть!

Не выдержал пират и тоже слезу пустил: очень ему ребятшек жалко стало. Так в цирке он и остался. И столько ему зрители букетов дарили, что его квартира круглый год напоминала красивую цветочную оранжерею.

ИСТОРИЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Один пират подрался с другим пиратом. У одного под глазом фонарь светился, и у другого синяк на самом виду красовался. Увидел боцман Тумба такое дело и стыдить начал:

— Чужих вам, что ли, мало? Не хватало мне ещё, чтобы свой своего же лупил!

Один пират на другого показывает:

— Он первый начал!

Второй пират в первого пальцем тычет:

— Он первый полез!

— Мирись, мирись — и больше не дерись! — пошёл на попятную первый пират, тряся своим мизинцем мизинец второго.

— Если будешь драться, буду я кусаться! — сверкнул глазами второй пират, тряся своим мизинцем мизинец первого.

— Так бы сразу, разрази вас гром! — похвалил боцман Тумба. — Кусаться вы все горазды, пока зубы целы!

Постояли пираты, помолчали, друг другу из-за спин кулаками погрозили и разошлись по каютам.

Давно это было, а пиратская мирилочка и поныне жива:

Мирись, мирись —

И больше не дерись.

Если будешь драться,

Буду я кусаться!

ИСТОРИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Один пират всё время молчал. Утром молчал, днём молчал, вечером молчал. Все пели — он рот на замке держал. Все байки травили — он нем как рыба. Никто от него и словечка разъединенького не слышал, а не то чтобы целого предложения.

Казалось бы, что тут плохого? Ну молчит пират. Ну не разговаривает. Так ведь и вреда от этого никому нет. Но некоторых его молчание злило. Кое-кого раздражало. А иных просто бесило.

— Чего это он помалкивает? — качали головами одни.

— Может, он нас за людей не считает? — надували щёки другие.

Вызвал молчуна капитан Бульбуль на пиратский суд. И выставила ему ихняя шайка-лейка такой ультиматум:

— Либо ты речь проявишь, либо на берег спишем!

Куда пирату в одиночку против всей лейки-шайки переть! С ней не очень-то поартачишься. Открыл он рот, а оттуда — дыдыды, бубубу, рырыры! В общем, такая ругань понеслась, такая брань посыпалась, что даже у боцмана, который считался грубияном из грубиянов, нижняя челюсть отвисла.

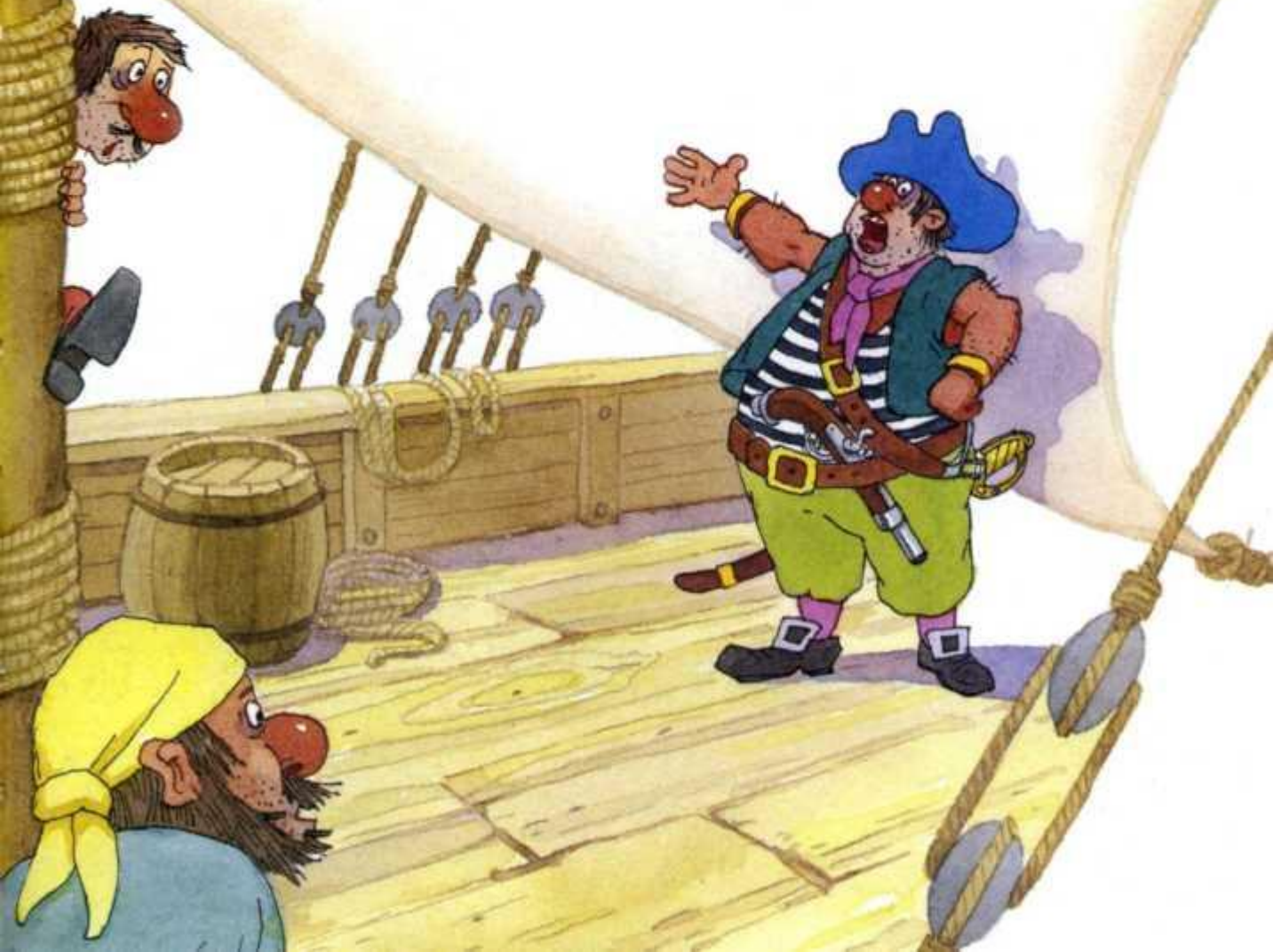
А пират такое вопил, такое орал, такое горланил, что ко всему привыкшие уши морских разбойников — и те начали вянуть, как цветочки в засуху.

Пожалел капитан Бульбуль, что заговорил молчун, да что сделано — то сделано.

Пришлось пирату новый ультиматум выслушивать:

— Либо ты заткнёшь свой фонтан, либо на берег спишем! Выслушал пират и обиделся:

— Я же не хотел болтать! Вы же сами велели! Да ну вас! Может, он и прав по-своему?

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТАЯ

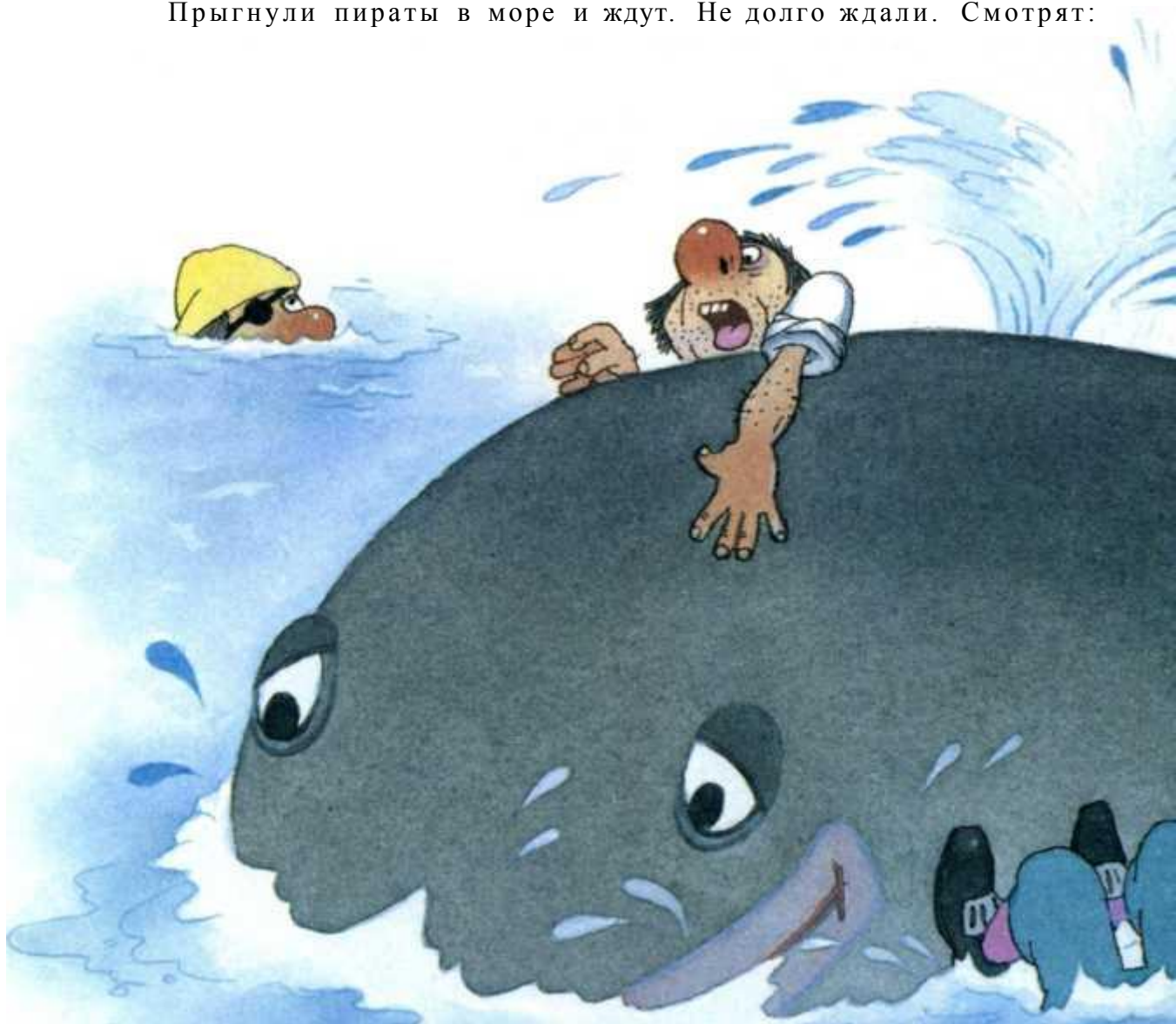
Один пират обожал кататься на китах. Нравилось ему — и на дельфинах. Но на китах больше. Сидишь на гладкой спине великана, за его усы китовые руками держишься, чтобы не свалиться в море, а над головой — фонтан журчит-переливается. Красотища! Разве нет?

Однажды ему другие пираты говорят:

— Вот ты на китах катаешься. А мы, думаешь, не желаем? И нам, понимаешь, тоже охота!

— Да чего там! — не стал возражать китовый наездник. — Можем и вместе покататься. Не жалко мне!

Прыгнули пираты в море и ждут. Не долго ждали. Смотрят:

кит на горизонте появился. Как только он к ним подплыл, тут китовый наездник сразу его оседлал и в усы руками вцепился. Кит и притормозил. Ну пираты к нему на спину всей гурьбой и влезли. Пришпорили кита голыми пятками — и понёс он их по волнам так, что брызги солёные по сторонам разлетаются.

Понравилось пиратам на ките верхом кататься. Развеселились они — и давай плясать от радости. А киту щекотно стало, запустил он свой фонтан повыше — и смыл всех танцоров со спины подчистую. Хвостом на прощанье махнул и нырнул в глубину. Только его и видели!

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Один пират в жаркий летний день прогуливался по узким улочкам Рамселя и забрёл в таверну «Тихая прохлада». К своему удивлению он увидел, что посетители, сидящие за круглыми столиками, едят маленькими ложечками какие-то белые шарики.

«Никогда не ел ничего подобного, — подумал пират. — Пожалуй, попробую». Он подошёл к стойке и сказал хозяину:

— Мне... вот этих... шариков!

— Сколько порций? Одну или две? — поинтересовался хозяин.

— Одну и побыстрей! — распорядился пират.

Шарики в вазочке оказались холодными, как лёд, и сладкими, как мёд. Во рту они быстро таяли, как весенние сосульки на крышах. А вкусотища была такая, что у пирата перехватило дыхание и он прокричал:

— Эй, хозяин! Ещё пять порций!

И когда тот поставил перед ним ещё пять вазочек, пират спросил:

— Как эти шарики называются?

— Мороженое пломбир, — слышался ответ.

Едва было покончено с пятью порциями, пират заказал ещё десять. И слизывая с ложечки очередной шарик, нежно шептал впервые услышанное слово:

— Пломбир, пломбир, пломбир...

На улице сильно припекало солнце. И волшебные холодные шарики пришлись очень кстати. Уходить из таверны никуда не хотелось от этого сказочного вкусного мороженого.

Лишь на второй день боцман Тумба отыскал пропавшего пирата в таверне «Тихая прохлада».

— Я думал, что ты пьёшь ром, — хмыкнул он презрительно. — А ты ешь какую-то дрянь, какие-то шарики!

— Это мороженое... пломбир... — оледеневшими губами прохрипел пират. — И никуда я отсюда не двинусь, клянусь всеми морями!

...Вернулся пират на корабль через три года, когда наелся мороженого до отвала. Но по ночам ему долго снилась далёкая таверна и на душе становилось сладко и прохладно.

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Один пират раздобыл где-то круглый географический глобус и, разглядывая его, вдруг обнаружил, что у всех морей, океанов и островов уже есть названия.

— Не может быть! — возмутился чужак. — Кругом сплошная вода, а все моря и океаны и даже острова уже кем-то открыты? Чепуха! Наверно, я плохо искал...

И он начал снова вертеть в руках глобус. Но куда ни ткнёт пальцем — всюду занято. И слева направо крутил, и справа налево крутил, а толку никакого.

И тогда пират обклеил глобус чистой бумагой и сам стал рисовать свои моря, свои острова и свои океаны. Рисует и приговаривает:

— Это — Большой Пиратский океан, это — Пиратское море, а это — маленький пиратский остров...

Разрисовывал, разрисовывал глобус и не заметил, как наступила ночь. Пирату захотелось спать. Но уснул он очень довольный и счастливый, потому что такого замечательного глобуса, как у него, ни у кого другого никогда не было, нет и не будет.

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Один пират собирал камни на пляжах разных стран. Среди них были гладкие и шершавые, тёмные и прозрачные, белые и жёлтые, круглые и треугольные. И все — очень красивые. Сколько их у него — он и сам не знал, но догадывался, что много, поскольку даже «куриных богов» — камешков с дырочками насквозь — отыскивал штук сто или двести.

Камни свои пират всегда за пазухой носил. На всякий случай. Боялся, чтобы не украли. Уж чего-чего, а воров на пиратском корабле хватало.

Боцману это не нравилось. И он заботливо предупреждал пирата:

— Дубина! Тельняшку порвёшь!

Только пират отмахивался. Камни для него дороже тельняшки были. Но вот их накопилось в ней столько, что при ходьбе он еле ноги передвигал. А однажды, когда смыло его волной во время шторма за борт, этот бедолага чуть к рыбам в гости не отправился. На дно, значит. Хорошо, что боцман заметил, успел за пятку схватить и тельняшку рвануть, чтобы камни высыпались. А не то бы худо пришлось пирату.

Вытащили его из воды, откачали, просушили. Толстый боцман у пирата перед носом пальцем поводил и ласково сказал:

— Я же тебя предупреждал, двести медуз и одна каракатица! Ни к чему за пазухой камни таскать. До добра это никого не доводит!

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Один пират купил попугая. Большого, разноцветного и вдобавок говорящего. На самом деле оказалось, что попугай не говорящий, а поющий.

Каждое утро, повиснув вниз головой в своей клетке, попугай будил сонного пирата какой-нибудь песенкой. Он пел здорово картавя, что-то вроде этого:

Обожают все матрррросы

Ананасы и кокосы.

Обожают все пиррраты

Мандарррины и гррранаты.

Пират при первых звуках птичьего голоса вскакивал, как ужаленный, и грозил попугаю кулаком. А попугай в свою очередь не обращал на него никакого внимания. И на следующее утро всё повторялось снова, причём в одно и то же время, как по часам.

Кстати, о часах. Часы тогда уже продавались — и карманные, и настенные. Но вот будильники пока ещё не были изобретены. И поэтому попугай служил пирату вместо будильника. И просыпался пират не по будильнику, а по своему попугаю, который, правда, не звенел, но зато пел весёлые песенки.

Впрочем, в подражание боцману, который, вложив четыре пальца в рот, громко свистел, созывая команду на палубу, попугай тоже быстро научился этому свисту и вместо песенок стал будить пирата озорным оглушительным свистом. И стал попугай с того времени не говорящим, не поющим, а вообще — свистящим. А пират, пока не привык, спросонья подскакивал до самого потолка. И набивал на лбу бо-о-ольшущие шишки.

ИСТОРИЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Один пират приобрёл по дешёвке в портовой лавке чёрный цилиндр и трость. На кой дьявол они ему сдались — того и сам не знал. Но купил всё же. В придачу ему продавец ещё чёрную бабочку дал.

— Это тебе в подарок от фирмы, — говорит, — для полного комплекта...

Нет, не живую бабочку, а такую, в которых всякие там миллионеры на всякие приёмы ходят.

Возвратился пират на корабль и подумал:

«Раз деньги заплачены — применить надо...»

Нацепил на голову цилиндр. Взял в руки трость. Бабочка на фоне тельняшки тоже смотрелась недурно. В таком виде и вышел пират на палубу: на других посмотреть и себя показать.

У боцмана от неожиданности подмётки сапог к доскам палубы прилипли, другие застыли на месте, как примороженные.

А пират марку держит, ему при таком параде как-то неудобно грубыми словами бросаться налево и направо. И он произнёс фразу, которая бы раньше ему и в голову не пришла, он произнёс фразу, от которой четверо разбойников рухнули на палубу, как подкошенные. Он произнес:

— Рад вас видеть, сэры!

На этом корабле, на этой старой, но крепкой ещё посудине никто подобных выражений не слыхивал. И потому они поразили всех, подобно вспышке молнии и раскату грома.

— Очумел, что ли? — пришёл в себя боцман. — Ты за кого нас принимаешь?

— За порядочных сэров, — торжественно объявил пират.

— Я тебе сейчас такого сэра покажу! — пригрозил кулаком боцман. — Не обрадуешься!

— Фи! Какой вы, право, необразованный! — скривился пират. — До чего же у вас отвратительные манеры!

— Так ты меня ещё и оскорблять вздумал, на «вы» называть? — возмутился боцман. — Ну это вообще ни в какой трюм не лезет! Я вот сейчас твою палку об твою же шляпу сломаю, а бабочку на волю отпущу.

— Во-первых, не палку, а трость, во-вторых, не шляпу, а цилиндр, — сделал замечание пират. — А в-третьих, говорить с вами в таком тоне просто не желаю!

И он под свист и улюлюканье орущей братии гордо покинул палубу. Вернулся в каюту, заглянул в зеркало, сам себе подмигнул и сказал:

— Ничего-ничего. В следующий раз куплю я каждому по цилиндру, тросточке и бабочке — и все они у меня, как миленькие, вежливыми сэрами станут!

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Михаил Спартакович Пляцковский

РАЗНЫЕ ПИРАТСКИЕ ИСТОРИИ

Ответственный и художественный редактор

А.Б. САПРЫГИНА

Технический редактор

Н.Г. МОХОВА

Корректор

Е.С. АКСЕНОВА

*Издание подготовлено
в компьютерном центре
издательства «Росмэн»*

ЛР №071328 от 9.08.96.

Подписано к печати 07.02.97. Формат 84x108 1/16.

Бум.офс. № 1. Гарнитура ньютон. Печать офс.

Усл.печ.л. 6,72. Уч.-изд. л. 5,6.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 5401. С — 093.

Издательский дом «Росмэн».

125124, Москва, а/я 62.

1-я ул. Ямского поля, 28.

Отдел реализации 257-46-61.

Отпечатано с готовых диапозитивов

на ордена Трудового Красного Знамени

ГУПП «Детская книга»

Комитета РФ по печати.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

ISBN 5-257-00094-8

© М. Пляцковский. Текст, 1997

© А. Резников. Иллюстрации, 1997

© «Росмэн». Макет, 1997

